

Алёна Бернат

СВЕЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ МАДАМ БЕРТЫ

ЧАСТЬ 1

Алёна Берндт

**Свечная мастерская
мадам Берты. Часть 1**

«Автор»

2026

Берндт А.

Свечная мастерская мадам Берты. Часть 1 / А. Берндт —
«Автор», 2026

В липовой роще, окутанной предрассветным туманом, находят младенца, в записке лишь имя: Берта. Девочку отдают в монастырь, но её пробуждающиеся способности вселяют страх в сердца монахинь. Маленькую Берту выпроваживают из монастыря, в тайне надеясь, что она сгинет. Вверяют её судьбу простой женщине, Глафире, чьё сердце выжжено утратой. Однако Любовь опекунши, редкий дар и людская доброта помогают выжить вопреки козням судьбы! Путь Берты начертан задолго до её рождения: она — ключ к границе между мирами, хранительница пламени, способного удержать надвигающуюся тьму. С каждым днём её дар раскрывается, сплетая вокруг неё нити пророчеств и древних тайн. Что скрыто в её предназначении? Какие врата ей суждено открыть, а какие — навсегда запечатать? И хватит ли света её свечи, чтобы не дать миру утонуть во мраке, что уже тянется к нему из-за грани? Это первая часть истории о судьбе, написанной звёздами, и о силе, что рождается из любви и боли.

© Берндт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 8.	20
Глава 9.	22
Глава 11.	23
Глава 12.	25
Глава 13.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алёна Берндт

Свечная мастерская мадам Берты. Часть 1

Глава 1.

Июньский день был тёплым и по-особенному приятным. Семнадцатилетняя Луша шла по тропинке через лес и несла пустую корзину – ходила на базар, продавать сыр, теперь вот с кое-какой выручкой домой к родителям возвращалась. Она напевала любимую песню и думала, что совсем скоро такая её жизнь закончится и начнётся новая!

На осенины Луша повенчается с Семёном Воздальцевым и пойдёт жить в новый дом. Воздальцевы – семья большая и зажиточная, и потому Луша не поверила глазам, когда к ним сваты заявили от них. Она сама считала себя не ровней Семёну, да оно так и было. Она была старшей в семье, за ней ещё двенадцать мал-мала меньше, мать с отцом едва концы с концами сводят. Не думала Луша, что Семён своего добьётся и уговорит отца её засватать, а вот, поди ж. А пока надо родителям помогать, вот сыр продать, чтобы ей приданого какого собрать, а то один сарафан у неё только и есть, да пара рубашек. Ничего, Семён её и без приданого берёт, потому что полюбил!

Шире разнеслась Лушина песня, лес отозвался птичьими трелями и шумом реки за высоким бором. И вдруг оборвалась песня, Луша остановилась и прислушалась, ей почудился детский плач. Место глухое, тропинка не шибко хожалая, откуда здесь взяться... Ан нет! Так и есть, вот снова слышится – плачет, негромко так, едва слышно.

Луша огляделась, снова прислушиваясь. Холодок по спине пробежался, душа захладела... тихо стало кругом, замолкли птицы и будто даже река... ничего не слышно, воздух вокруг Луши словно загустел, только этот плач, тихий, жалобный...

Луша поставила на траву пустую корзину и пошла на плач, раздвигая колючие кусты и не чуя от этого боли. Ожгла мысль – может Леший шалит? За то, что пела громко в лесу, вот и осердился Лесной Хозяин, станет водить... этак и пропасть недолго!

Луша вышла на небольшую полянку, здесь раскинулась небольшая липовая роща, она беспокойно шумела листвой, словно тоже слышала детский плач. Девушка испуганно оглядывала полянку, и уже собиралась повернуть обратно, решив, что ей всё почудилось, но тут приметил под молодым деревцем какой-то куль.

Перекрестившись, Луша подошла ближе и обомлела... Нежно-голубое покрывальце лежало на траве, словно облачко. В нём, в отороченной тонким кружевом пелёнке Луша увидела розовенькое личико младенца. Девушка всплеснула руками и стала озираться по сторонам.

- Отзовитесь! – негромко позвала Луша, страхась напугать ребёнка, - Ау! Отзовитесь!

Тишина была ей ответом, только снова загомонили птицы, вдалеке, на колесе водяной мельницы зашумела река. Растерянная Луша стояла на полянке, вглядываясь в заросли кустов, но никто не показывался и не отзывался.

Младенец подал голос, Луша взяла его на руки, прижала к себе. Это как же, кто мог бросить ребёночка здесь. В лесу? Ведь тропкой этой почти никто и не ходит! Верная погибель ребёночку, это что же за мать так могла поступить, оставить своё дитя на съедение волкам!

«Может на мельницу снести, - подумала Луша, - Старый Прохор со своей мельницы ни ногой, мимо него не пройдёшь тайно, так может он видал кого-то, кто ребёночка принёс!»

Девушка вернулась на тропку, уложила младенца в свою пустую корзину и свернула к мельнице, шагая по высокой траве заливного лужка над рекой. Младенчик притих, вроде бы

заснул даже, Луша видела тёмный пушок на голове, длинные тёмные ресницы, ямочки на пухлых щёчках. Кто же эта мать, что своё дитя не пожалела!

У речной запруды показалась чуть покосившаяся от старости мельница, широкое колесо морёного дерева было опущено в воду, но теперь не крутилось. Сам мельник, старый Прохор Купавин что-то ладил топориком возле мельничной избы.

Дед Прохор жил бобылём и держал доставшуюся ему после его отца и деда мельницу, в двух верстах от деревни. Чего только про него не болтали в деревне Липовке, где родилась и жила Луша... Говорили, будто мельник водит дружбу с чертями, привечая их в запруде возле мельницы, и для того в весеннее полнолуние льёт в воду козлиную кровь.

Луша остановилась у плетня и боязливо поглядела на мельника, а тот и головы не повернул в её сторону, тесал топориком какую-то деревяшку.

- Дедушка Прохор, здравствуй. Это я, Лукерья Крупина, - негромко позвала Луша, - Помоги...

- Чего надобно? – проворчал мельник, по-прежнему не обращая внимания на незваную гостью.

- Я тропкой шла, а там, в липовой роще... вот... Может быть ты видал кого? Мать-то поди извелась, ищет...

Дед Прохор повернулся и глянул на Лушу своими пронзительными глазами, та даже чуть попятилась, крепче прижав младенчика.

- Покажи! – строго сказал мельник и шагнул к плетню.

Луша в страхе замерла, а мельник своими узловатыми грубыми пальцами откинул белоснежную пелёнку и всмотрелся в лицо младенца. Он что-то пробубнил, Луша не разобрала слов, стояла, сама не своя.

- Отнеси туда, где нашла! А после уходи домой и никому про то не рассказывай! - рявкнул мельник и пошёл от плетня, бурча себе под нос что-то недоброе.

- Но как же... а если волки..., - пролепетала Лукерья.

- Пошла отсюда, скудоумка! Али слов не понимаешь, ну так я сам сейчас дело управлю! – рассердился мельник и шагнул к Лукерье, подняв палку.

Луша со всех ног кинулась бежать. Страшно стало и от взгляда мельника, и от того, как потемнело его лицо. Младенец в руках Луши молчал, а она, не чуя ног бежала по тропинке в деревню, ей всё казалось, что мельник гонится за ними, и вот-вот опустится на Лушину голову его палка. Шумело позади, волной шёл за девушкой вихрь, по кустам, по траве, бросая ей вслед сухие ветки и вздымая пыль.

Но лёгкая девушка со страха летела, словно птица, и скоро впереди показался старый погост у околицы деревни, почему-то Луша подумала – там их спасенье! Так и случилось, как только ступила Луша меж старых, покосившихся голбцов, серая пыльная мгла, ступавшая вслед за беглянкой, рассыпалась, осела прахом на траву и кусты возле тропинки, пропала без следа.

Младенец в руках Луши заплакал, она откинула пелёнку и одеялко, давая ребёнку вздохнуть. Что делать дальше? Луша в растерянности постояла немного, отдышалась, и пошла домой. Матушка уж поди знает, как теперь быть, куда подкидыша девать и как отыскать непутёвую мать, оставившую своё дитя на растерзание диким зверям!

Глава 2.

- Это ж надо, где твоя голова была! – кричала на Лушу матушка, Степанида Порфирьевна, а та сидела на лавке у входа в избу, опустив голову, - Ты зачем взяла, что не тобой положено! Твоё дело было какое? Сыр продать, да домой вернуться! Чего теперь люди скажут? Тебе丈夫 скоро идти, а тут – чего? Люди у нас на выдумки горазды, ещё, чего доброго, тебе грех этот припишут, тогда не видать тебе жениха! Мать-то Сёмкина тебя и на порог не пустит, и так ходит, губы поджимает, невестка такая ей не надобна, да вон как, отец дозволил сыну тебя в жёны взять!

- Ты погоди кричать-то, - заметила Лушина бабка Фёкла, разворачивая на младенце одеяло, - Погляди, кружево дорогое, и полотно тонкое, я такого даже в Лавке у Бурова не видала за всю жизнь. И вон, бумага положена тут, в одеяле-то! Не простой это ребёнок, али сама не видишь? Надо отнесть к игуменье, ведь коли станут искать в округе, первым делом куда идти знатному человеку? У нас тут в округе только и есть, что монастырь, вот туда и надо отнесть!

- Лушка! Чего расселась? – прикрикнула Степанида на дочь, - Ступай в монастырь, неси...

- Да ты и вовсе дура! – рассердилась старая Фёкла, - Куда девку посылаешь, нешто она такое дело справит? Сама ступай, да не раз игуменье-то скажи, что это мы, Крупины, ребёночка нашли да сохранили! Пусть она не позабудет про нас, когда родители отыщутся, да захотят отблагодарить за спасение! Ох ты, младенчик-то – девчонка!

Степанида только теперь смекнула, про что старая Фёкла говорит, ну а тут уж метнулась к сундуку, плат достала новый, к игуменье-то идти. После из клетки корзину новую принесла, придётся отдать вместе с младенцем, но что уж, после урон этот вернётся, когда награду-то дадут!

Пока мать собиралась под наставления старой Фёклы, что говорить да как, Луша взяла на руки найденную ею девочку, обиходила малышку, и тишком поглядела на ту бумагу, которая была в одеяле у неё, и постаралась запомнить, что там написано было. Грамоты Луша не знала, в ученье её не отдали, кто же тогда с младшими помогать станет, и потому она просто запомнила, что начертано на бумаге. После спросит у жениха своего, Семёна, тот умеет грамоту разбирать.

- Лушка! Чего там копаешься! – сердито окрикнула Лушу мать, - Клади её в корзину, пойду к игуменье!

Луше было жаль девочку, которая теперь лежала у неё на руках и улыбалась, глядя на свою спасительницу тёмными своими глазами в обрамлении густых ресниц.

Степанида сама подошла, забрала из рук дочери девочку и уложила её в корзину. Торопливо поправила новый платок и пошла в сторону маленького и не очень богатого женского монастыря.

Луша вытерла набежавшие слёзы. Ей было так горько, и она всей душой надеялась, что мама девочки отыщется в самом скором времени, и ей не придётся оставаться в монастыре, разделить участь прочих сирот, живших при монастыре. А житьё у них было нелёгкое, работы в монастыре было много, игуменья Феофания была строгой, спуску никому не давала и маленькую обитель держала в строгости, духовной и телесной.

Вернулась Степанида из монастыря недовольная, с пустой корзиной и красным от злости лицом, но Луше не сказала, что там такое было. Они с бабкой Фёклой погнали Лушу справлять работу во дворе, а сами стали громко шептаться о чём-то у печи.

Луша пыталась было услышать, чего они говорят, проходя мимо растворенного настежь окна, но ничего не расслышала, так тихо те говорили. Вздохнув, Луша принялась за работу, задумав после вызнаться, что же случилось с девочкой – найдёнышем.

- Лушенька моя, что же ты сегодня сама не своя? – спросил невесту Семён, когда ввечеру они вместе возвращались с вечорок, которые по тёплой погоде устраивали возле реки на большой поляне, - Что томит твою душеньку, скажи?

Семён Лушу любил, только тем и согревалась её душа, когда видела она его добрые глаза, и то, как он на неё глядит с нежностью. Любит её Семён, так крепко любит, что упросил отца сосватать любимую в жёны, хотя мать Семёна прочила за сына другую, из богатой семьи и с хорошим приданым.

Ничего не таила Луша от Семёна, всё рассказала, как есть. Семён глядел на неё синими своими глазами, улыбался и держал в своей ладони Лушину руку.

- Ничего, ты не тужи, в сердечко своё доброе тоску не впускай. Я выпрошу у матушки, как она пойдёт к игумень с подаянием на монастырь, чтоб вызнала всё про эту девочку. А скажи, что в той бумаге-то было, что с младенцем лежала в одеяле?

Луша взяла тонкий прутик и нарисовала на тропке то, что запомнила из той бумаги, точь-в-точь. Семён поглядел, поправил две чёточки:

- Так? Значит, там написано - Берта. Видимо такое имя малышке мать родная дала, да от какой-то беды её в лесу и оставила.

- Берта..., - прошептала Луша, - Это что же за имя такое... Иноземное?

- Думаю, иноземное, - кивнул Семён, - Ну, что ты, не бойся, девочка теперь в монастыре, никто её там не обидит.

А у Луши не на месте была душа, она даже спать стала худо, ей во сне являлся страшный мельник Прохор, он всё приступал к ней и спрашивал, куда дрянная Лушка спрятала младенца, которые ему в жертву был назначен!

Луша пыталась убежать от мельника, но падала в какую-то бездонную яму и от того просыпалась. Мать сердилась на Лушу, что та вскрикивает ночью, всех в избе будит, и за то отпратила Лушку спать в клетки. А бабка Фёкла к знахарке сходила, которая на краю деревни жила, та снадобье дала для сна, и велела девку поскорее взамуж отдавать, чтоб тоска душу не ела.

Чуть погода успокоилась Луша, сама себя охранила – под подушку клевер класть стала, и тогда не стало пути страшному мельнику, оставил он Лушу в покое. А она всё хотела пойти в монастырь, спросить про малышку, но мать строго-настрого запретила ей, сама ходила, чтоб если уж что – не упустить награду.

Глава 3.

- Какой у нас нынче месяц? Раньше прозывался Липень! – спрашивала у своей помощницы игуменьи Феофания, жуя пустым ртом и недовольно хмури брови, - Вот пусть и будет у неё такая фамилия - Липень. А имя... Берта? Что это за имя, такого в святцах не бывало отродясь, потому... окрестим завтра, Анной! Коли родители отыщутся, так им и скажем – Бог так управил, значит так тому и быть! Покуда отдай девочку под присмотр Глафире, пускай получше приглядывает да найдёт в деревне кормилицу! Ежели всё так, как Степанида говорит... родители девочки – люди не простые, станут доискиваться, а когда дитя потерянное отыщут, с нас за уход спрошено будет! Ступай!

Глафира при монастыре жила давно, после смерти мужа и четверых детей, одного за одним, она стала будто сама не своя, потому деревенские её в монастырь и отвели, боясь оставлять Глафиру в пустом доме – мало ли, печку упустит, а то и намеренно подпалит, после полдеревни выгорит, хоть дом Глафирин и стоит на отшибе, у реки. Так и прожила Глафира в монастыре лет десять, а то и больше. Молча делала, что прикажут, однако постриг так и не приняла. Сама не просилась, а игуменья не наседала, что с Глафиры взять, в сумраке душа пребывает, в тоске...

Первая помощница игуменьи, Евдокия, человеком была строгим, и даже чуть безжалостным. За какие грехи, как сама она говаривала, поставили её над сиротами приглядывать, она не ведала. Но дело своё справляла, что поделать, такой крест ей Господь определил. Сирот

немного при монастыре было, да и сам монастырь небольшим был, в этакой глуши и деревень-то немного, а до города и вовсе вёрст сто будет, а может и больше.

Хоть и немного у Евдокии хлопот было с сиротами, а что же она – первая помощница, и сама всё будет управлять? Потому и выпросила себе в подмогу Глафиру – та молчаливая, безропотно любое указание исполняет, ничего не спрашивает.

- Глашка! – крикнула Евдокия, входя в избу, что в самом углу монастырского двора находилась, - Держи, обиходи младенца, да постирай как следует то, в чём девчонка есть! Мабудь родители объявятся, так что после не говорили, будто мы тут девчонку чёрной держали! Да пелёнку с покрывалом приberi, видать дорогие куплены!

Глафира молча кивнула и приняла из рук Евдокии корзину. В ней лежала черноглазая девочка, которая тут же заулыбалась, только глянув на Глафиру, а у той... зашлось сердце, которое до того словно мёртвое камнем в груди лежало.

- Как звать девочку-то? – тихо спросила Глафира у Евдокии, вынимая малышку из корзины.

- Завтра Анной окрестят, - махнула рукой Евдокия, - А в нею вон, бумажка писана лежала! Сложи с пелёнками после, для мамыши непутёвой, что дитёнка то ли потеряла, то ли сама бросила!

- А что здесь написано? – Глафира осторожно приняла бумагу из рук Евдокии, сама она грамоту не разумела, - Может имя, как мать нарекла?

- Бе... Берта! Бертой мать обозвала, прости, Господи! Откуда имя-то такое взяли! Всё, недосуг мне тут, гляди за ней хорошенько, матушка игуменья наказала! Поди уж скоро и родители хватятся!

Глафира и принялась управляться, как того дело требовало. Нашла в деревне кормилицу для девочки, хорошо игуменья на плату за это не поскупилась, в надежде, что родители девочки вот-вот объявятся и на благодарность не поскупятся. Вон одеялко-то какое богатое, и пелёнки, полотно тонкое, кружево и того дороже!

Но ни на другой день, ни через неделю, ни через месяц никто не объявился за девочкой-найдёнышем. Глафира втайне радовалась этому, хоть иной раз и стыдилась этого – что же, сироткой осталась девочка, а она, Глафира, этому радуется.

Сама Глафира жила не в келье, матушка игуменья не позволяла этого, потому что считала Глафиру одержимой, только никому в таких своих думах не признавалась. Потому и поселилась Глафира в старом амбаре, который единственным своим оконцем выходил на старый погост возле леса. Покосившиеся стены и соломенная крыша, печка в углу да земляной пол – вот и всё убранство. Да Глафира и того не замечала, потому что права была матушка игуменья, в сумраке пребывала Глафирина душа, не могла она смириться с тем, что всех родных у неё Бог забрал, и деток малых, и мужа – молодого, сильного мужика во цвете лет скрутила неведомая хворь так, что и недели не прошло, как закрывала Глафира глаза покойному мужу, обряжала в последний путь. С той поры и ходила, как во сне. Себе смерти молила, и её, избавительницу, ожидала.

Только теперь, когда появилась эта темноглазая малышка, словно проснулась Глафира, глаза засияли, расправились плечи, руки и ноги налились силой. Никто не заметил таковых перемен, ни Евдокия, ни монахини, которые Глафиру сторонились, ни сама игуменья.

А время шло, девочка-найдёныш, которую хоть и окрестили Анной, а всё одно все Бертой звали, росла. Хотя кто хоть по имени звал, кроме Глафиры никто. Другие дети, кто по сиротству при монастыре жил, Берту за свою не приняли, бывало, что и обидеть норовили, но сперва Глафира тут же строжилась, да не шутя хворостиной грозила, а после и сама Берта себя в обиду не давала. Глафира девчонку жалела, опекала по-всякому, то ленту красную в косу вплетёт, то куколку из соломы сделает. Хотя и другим тоже таких делала, да у тех куклёхи не такие получались.

А после одного случая и вовсе Берту из сиротской спальни прогнали, лет шесть тогда Берте исполнилось. Той ночью одна из монахинь, Серафима, с детьми ночевала, как Евдокия назначила, а как только полночь миновала, задремавшая было нянька подпрыгнула от крика. Зажгла свечу да кинулась к ребятам, а те сами перепуганные сидят, одна только Берта у своей кровати стоит в рубашке, в руках у неё куколка, Глафирой сделанная, только вот голова у куколки оторванная валяется.

- Это Катя сделала! Она у меня куколку взяла и голову ей оторвала! – сердито насупившись, ответила Берта на расспросы.

А та самая Катя была чуть не вдвое Берты выше, и эту пришлую не любила, бывало, тайком и ударить могла, вкусные куски отбирала, пока Глафира не видит. И вот теперь эта самая Катерина сидела в углу за своей кроватью, трясаясь и подвывая.

- Всем ложиться! – приказала Серафима, и увела трясущуюся Катерину с собой.

Утром Серафима стояла перед матушкой Феофанией, рядом с ней всё так же тряслась и пускала слюни на ворот рубашки бледная Катерина.

- Что стряслось, – недовольно глядя на Серафиму, спросила игуменья, – Говори! Кто девочку так перепугал?

- Я не знаю. Она у этой... Анны куклу забрала и попортила, голова оторвалась. Вот теперь с ней что-то случилось, трясётся и говорит, что у неё самой голова оторвана!

- Настойку какую давали? Чего-то хоть делали?

- Давали, только хуже стало, – вздохнула Серафима, – Может лекаря деревенского позвать?

Матушка Феофания поджала губы. Звать лекаря, так ведь тот поди платы запросит сколько, а поможет или нет, это как сказать. Да и молва про монастырь нехорошая пойдёт, здесь такое быстро разносят...

- Ну-кошь, лекаря! Посади эту вон туда, в угол! – приказала игуменья Серафиме, – А эту Анну приведи ко мне, немедленно!

Серафима побежала за девочкой и обнаружила Берту возле Глафиры, которая стирала во дворе бельё.

- Куда ты её? – нахмурилась Глафира.

- Матушка Феофания зовёт, – испуганно ответила Серафима, она побаивалась Глафиру, про неё говорили, что она одержимая, мало ли...

- Ступай, доченька, – ласково проговорила Глафира, пригладив на Берте сарафанчик, – Как знать, может отыскалась матушка твоя родная, али отец.

Серафима ничего не стала говорить, что скорее хворостину, а то и чего похуже отведают девочка, которая теперь без страха глядела на Серафиму своими тёмными, цвета гречишного мёда глазами.

С беспокойством провожала глазами Глафира девчушку, ставшую ей вместо дочки. Горела душа, вдруг и в самом деле заберут родители, а ну как нашлись... Вроде и хорошо, несладко сиротское житье, а всё одно, тоскливо...

Глава 4.

Старая Феофания сидела на стуле, положив подбородок на палку, служившую ей опорой. Она смотрела на Катерину, которая сидела в углу, перебирая попавшую ей в руки травинку и водя в разные стороны безумными глазами.

Это что же такое приключилось с девкой, ведь справная была, сердито думала Феофания, она уже уговорилась, что по осени Катерину заберут прислуживать в богатый дом, в уездном селе, а монастырь за это получит хорошее подношение. И что теперь? Вон, сидит, подол задрала, чисто блаженная...

И эта тетёха Серафима, как не углядела, чего приключилось! И что эта Берта...тьфу, вот же и ей самой это имя заместо крещёного на ум приходит! Что эта Анька могла сделать со здоровой девкой, ведь мала совсем, шесть годков всего-то!

«Ох, да что ещё сегодня за напасть приключилась, - Феофания страдальчески поморщилась, - Как назло ноги ноют, сил нет, и спина... ажно в глазах темнеет. И эта маленькая чертовка... Прости меня грешную, Господь Милосердный!».

В дверь стукнули, в ней показалась Серафима, она ввела девочку и поставила её перед Феофанией, которая строго сдвинула брови и сверлила глазами Берту. От взгляда игуменьи не ускользнуло то, как сжалась в своём углу Катерина.

- Ну? Что ты молчишь? - строго проговорила игуменья, - Говори, что ты сделала с Катериной? Чем опоила?

- Я ничем её не поила, - спокойно сказала Берта, без тени страха и стеснения глядя на игуменью, - Она сама виновата, взяла мою куклу и оторвала ей голову.

- Ты смеешь мне лгать? - игуменья хотела встать, но не смогла, ноги не слушались, боль билась во всё теле, - Отвечай правду! Или получишь розог!

- Я говорю правду, - сказала Берта, - Катерина сказала, если я скажу про неё, то она и мне оторвёт голову, как кукле.

- Скажешь про неё... что? Не бойся, говори мне всё.

- То, что она забирает у меня хлеб за обедом, - махнула рукой Берта, - Но я и не собиралась ничего рассказывать, пусть берёт, мне не жалко. Она большая, и всегда голодная... потому что в ней живёт... этот.

- Кто?! Кто... в ней живёт? - игуменья побелела и едва могла говорить.

- Тот, кого ты теперь видишь, - ответила девочка и указала на сидевшую в углу Катерину.

Игуменья глянула туда и душа её ушла в пятки. В углу уже сгустился сумрак, оттуда сверкали два красных глаза, звериный оскал обезобразил лицо Катерины. Из тени на игуменью смотрел... зверь.

Феофания хотела перекреститься, но рука отказалась служить ей, а то, что сидело в углу, утробно захохотало. Рука игуменьи потянулась к ножу, который лежал тут, у блюда с яблоками, Феофания мотала головой и силилась подняться, руки не слушались, они другому приказу теперь служили, и нож оказался уже у её горла...

Страх пронзил душу старой игуменьи, вот она, кончина... страшная и неотвратимая! Хохот зверя будет сопровождать её, пока душа не покинет её тело... страшно, страшно! Своей рукой вот-вот полоснёт она по собственному горлу!

Ни слова не могла вымолвить Феофания, отнялся язык, а перед глазами все её дела явились, праведные и... другие, тайные. Никто не поможет, и даже молитву она не может прошептать теперь, перед ликом Смерти, холодной своей рукой объявшей Феофанию.

Угасающим взором увидела старая игуменья, как темноволосая девочка в зелёном сарафанчике, сшитом заботливой рукой Глафиры, подошла к кандилу перед иконами и взяла своей маленькой ручонкой горящую свечу.

Пламя свечи, уже угасающее от дыхания зверя из угла, теперь вздрогнуло и заиграло веселее, Катерина в углу взвыла. Берта прикрыла ладошкой огонёк на тонкой свече и смотрела на то, как он разгорается, сияние пламени отражалось в её глазах.

Берта убрала ладошку, и свет от свечи разлился широкой волной, осветив тот угол, где страшно была Катерина. Она закрывалась руками от свечи, но огонёк разгорался всё сильнее, и вой зверя перешёл в предсмертный рык. И тут Берта дунула на свечу, огонёк вспыхнул, его отсветы полыхнули по всем углам, и рык зверя оборвался. Оконное стекло разлетелось вдребезги, словно кто-то только что из окна выскочил наружу.

Когда старая игуменья открыла глаза, переводя дух, который чуть только не вылетел из неё, она увидела, что мрак в углу рассеялся, там сидела растерянная Катерина и вертела головой по сторонам.

Берта сидела у окошка и что-то катала в маленьких ладошках. Феофания с трудом поднялась и подошла к девочке, не обращая внимания на Катерину. Она увидела, что Берта катает в руках воск, который остался от растаявшей свечи.

- Что ты делаешь? – хриплым голосом спросила игуменья, в горле у неё пересохло, ноги и руки тряслись.

- Держи, матушка, это тебе, - девочка протянула игуменье маленькую свечушку, неровную, коротенькую, вместо фитилька в ней торчала какая-то травинка.

- Что это? – игуменья будто против воли взяла свечушку.

- Как спать станешь ложиться, зажги. Ноги у тебя перестанут болеть, и спина тоже. Только ты больше про доброе думай, а не про то, сколько тебе дадут денег за то, что ты Катерину в прислугу отдашь.

- Откуда ты... Ступай! – прохрипела игуменья, указав девочке на дверь, она не знала, что это было и как теперь быть...

Берта поднялась со скамейки и вышла вон, не глядя ни на Катерину, ни на игуменью. Светла была её душа, будто ничего страшного и странного только что и не произошло. Весело подпрыгивая, Берта отправилась туда, где Глафира стирала бельё.

Глава 5.

В тот день игуменья Феофания из своей кельи не выходила до самого вечера. Позвав Евдокию, она велела помощнице увести Катерину, и приготовить её к причастию, а ещё добавила:

- Пусть постится и молится усердно сорок дней, а там поглядим, чего дальше делать. И посели её в пустой келье, где Мария жила раньше. Всё, ступай!

Евдокия ничего не стала спрашивать, хотя ей даже интересно было, почему в келье игуменьи так сильно пахнет дымом и серой, а Катерина растрёпанная, красная и перепуганная. Но зная характер матушки, молча стала исполнять приказ, подхватив Катерину за локоть, Евдокия повела её в келью, где полгода назад померла Мария, старая монахиня, всю свою жизнь прожившая в монастыре и помнившая его хорошие времена.

- Теперь здесь жить станешь, - сказала Евдокия Катерине и указала на потемневшие от времени образа на маленьком киоте в углу, - А теперь молись, я после приду, скажу, чего надо делать.

Евдокия хотела было вернуться к игуменье, но дверь у той оказалась заперта, тогда Евдокия отправилась в трапезную, дел у неё и без того было много, поди управься до вечера!

До самого вечера игуменья не вышла даже на трапезу, только вечером позвала к себе Евдокию. Та прибежала быстро, предвкушая рассказ матушки, которая ей всегда доверяла помощнице, за что же Катерина отправлена в келью, чего же такое случилось с нею.

Но в этот раз Феофания была молчалива, велела Евдокии пока управлять делами самой, сказавши всем, что игуменья нездорова. Евдокия только кивала в недоумении, что же стряслось... даже от вечерней трапезы Феофания отказалась, только наказала принести чистую воду для питья.

- Матушка, ты хоть поешь, ведь обессилеешь вовсе. Я принесу, только скажи, что желаешь.

- Оставь, Евдокия, делай, как велю, а после и сама молись.

- Матушка, давай вместе вечернюю управим, я с тобою помолюсь, - Евдокия хотела было прибрать у образов огарки свечей, но игуменья сердито махнула рукой.

- Ступай, Евдокия! Оставь, я сама сделаю всё! Вели принести воды и ступай!

Отступилась Евдокия, чуть обиженно поджав губы. Сама принесла воду в кувшине, поставила на стол и удалилась, удивившись тому, как за нею скрипнул засов на двери игуменьи.

Евдокия решила зайти к Катерине, расспросить девку, чего такое приключилось, но когда открыла дверь в келью, увидела, что та спит. Сколько ни трясла, разбудить не смогла, Катерина вроде бы и силилась открыть глаза, но тут же голова её падала на набитую сеном подушку.

Так и осталась в тот вечер Евдокия в полном недоумении, ничего не вызвав про случившееся у игуменьи. Отправилась по делам, коих было много, хоть и небольшое было хозяйство в старом монастыре, а всё догляда требует.

Между тем, игуменья Феофания заперла дверь за помощницей и оглядела углы в просторной своей келье. Что думать про то, что она видела здесь своими глазами... Страх снова наполнил душу старой игуменьи, что же это, как не предвестие скорой кончины?

Феофания облачилась в чистое, достала новенький молитвослов, подаренный ей архиепископом, который был здесь проездом и остался доволен приёмом. Так и просидела с молитвами до вечера, хотя... саму себя не обманешь, больше про своё думала, чем о том, что читала в молитвослове. У образов горели свечи, огоньки дрожали в напоздавшем вечернем сумраке, и почему-то такая тоска нашла, что из глаз старой игуменьи покатились слёзы, она закрыла глаза и дала им волю.

Ноги разнылись так, что уже и готова была хоть тут же помереть, спина тоже покоя не давала, но пуще всего болела голова, Феофании казалось, что вот только откроет она глаза и тут же умрёт от этой нестерпимой боли. А пуще того, пуще боли в ногах и всём теле, болела у Феофании душа...

Как же это, как такое может быть, чтобы такая пигалица, шестилетка, которая едва кашу выучилась есть, а такое ей сказала... а как смотрела? Словно всё разглядела... и то, что сама Феофания предпочла позабыть и спрятать глубоко в памяти.

Игуменья приоткрыла глаза, желая испить воды, в горле снова пересохло. Дышать стало тяжело. И тут взгляд её упал на ту маленькую кривенькую свечушку, что девчонка эта скатала. Травинка вместо фитиля так и торчала посередине. А сам воск сейчас переливался в свете других свечей медовым цветом, и так поманил...

Феофания и сама не помнила, как взяла в руки эту свечушку и зажгла, поставив в каганец перед собой. Травинка запылала, ярко да весело так, воск стал оплывать вниз, и чем сильнее плавилась свечка, чем веселее и ярче плясал огонёк, съедавший положенную в свечку травинку, тем легче дышать становилось старой Феофании.

И спина утихла, голова прояснилась, в груди перестало теснить. Игуменья встала, поправила свечку в каганце, тепло стало, благостно. Успокоилась душа, почему-то теперь казалось неважным, что случилось здесь днём с Катериной, теперь это всё позади.

Ноги больше не ныли, налились силой, захотелось есть, но игуменья не пошла никуда, напилась воды и взяла лежавшее в блюде у оконца яблоко. Сил тут же прибавилось, Феофания прибрала немного в келье, а потом улеглась в кровать, поставив каганец на лавку рядом. Стала глядеть, как играет на свечке огонёк, немного той осталось догореть.

Так и заснула, сама не заметила, что глаза её закрылись в тот самый миг, когда моргнула девчонкина свечушка, догорел травяной фитилёк. Воск расплылся по каганцу, и мерцал медовым цветом в каганце, в оконце глядела почти полная луна, лик её был светел и чист в эту ночь.

Уже и не помнила старая игуменья Феофания, когда она так спала, всю ночь, крепко и хорошо, когда не беспокоили её ни ноющие ноги, ни другие боли, ни душевные терзания.

Утром игуменья открыла глаза чуть свет, и первым делом ей подумалось, что всё ей во сне явилось. И Катерина, одержимая неведомым и страшным, и эта девчонка Берта, крещённая Анной, но никто так и не стал её звать этим именем, ни то, что дала ей девчонка свечушку, от которой все боли у Феофании пропали, как не бывало.

Огляделась игуменья, нет, не снилось... вот он, каганец, а в нём воск, медовый, красивый такой, переливчатый... Феофания стала подниматься с постели, ожидая, как снова скрючит от боли спину, а ноги нальются тяжестью. Но тело было легко, ничего не болело, голова была светла, пропала и та сероватая пелена перед глазами, которая года два как появилась перед старой Феофанией и уже не уходила. А теперь – нет как нет! Ясно всё видит перед собою, как же дивно...

Игуменья перекрестилась, и крикнула, чтоб позвали Евдокию, да поскорее! Надо всё рассказать помощнице и решить, как быть дальше с девчонкой! Дело такое отлагательства не терпит!

Глава 6.

Глафира встала до свету в то утро, дел у неё было много, Евдокия строго следила, чтобы всё, что наказано, было исполнено в точности и в срок. Теперь вот Глафире постирать наказала, много, но та управилась и теперь нужно было проверить, что высохло за ночь, кое-где подштопать, поправить.

В старом амбаре было ещё темно, немного утреннего сумрака виднелось в маленьком оконце амбара. Глафира подошла к лежанке у печи, на которой спала Берта, и укрыла девочку потеплее, утром в амбаре прохладно, от земляного пола тянет сыростью. Редко оставалась Берта ночевать с Глафирой в амбаре, хоть очень это любила. Да Евдокия не позволяла, и игуменья тоже сердилась на такое – дескать, чего же эту девочку из других сирот выделять!

Но вчера никто и не заметил, не до того было всем видать, после того, что с Катериной приключилось. Ни Евдокия, ни игуменья, ни другие кто-то, никто и на ум не взял проверить, где Берта ночевать осталась. Серафима, которую чаще других оставляли нянькой к сиротам, заметила, конечно, но по доброте своей промолчала. Пусть... и Глафире это на пользу, душа её может отгадет с девочкой-то, да и девочке лучше там, у Глафиры в амбаре, чем с остальными, уж очень она... иная, не такая, как прочие.

Глафира открыла курятник, выпустила птицу и пошла набирать зерно, кормить и приглядывать за монастырской птицей тоже её заботой Евдокия назначила. Прибрала пару свежих яиц в карман фартука, для Берты, вон она какая маленькая, ей кушать нужно, чтобы расти...

Когда Глафира управилась возле курятника и пошла будить Берту, то увидела, как к амбару идёт игуменья Феофания. Быстро идёт, клюкой своей почти и не опирается, спина прямая, глаза... щеки будто даже чуть румянцем налились. За Феофанией едва поспевает Евдокия, будто чем-то перепуганная и бледная.

- Глафира! Поди сюда! – позвал игуменья, остановившись чуть поодаль от амбара.

Феофания и сама себе не созналась, что теперь не хочет увидеть девочку... Помогла, помогла её свечка игуменья! И хоть оправилась Феофания от болезней своих, за что ей бы девочку поблагодарить надобно... да только страшно было – от кого у девочки дар такой и уменья? Кто она есть? Божье создание, или...

Глафира вся похолодела... зачем зовёт игуменья, что хочет сказать? И лицо её недоброе, да и Евдокия вон как бледна, стоит, подол фартука перебирает! Глафирино сердце сильно стукнуло, поняла – хотят отобрать у неё девочку, может куда отправить, услать в богатый дом, или в город, в сиротский приют!

На онемевших ногах подошла Глафира к игуменья, со страхом глядела то на неё саму, то на Евдокию, которая старательно прятала глаза.

- Глафира! Эта... девочка то у тебя? Анна?

- Да, у меня, в амбаре... спит ещё. Матушка, она ни в чём не провинилась, Катерину надо спросить за что она так... Зачем куклу порвала, зачем хлеб у маленькой отбирала, зачем обижала! – быстро заговорила Глафира, в душе целый вихрь бушевал в душе.

- Ты, Глафира, вот что, - не дослушав, что та говорит, сказала игуменья, - Собери что нужно, одежду её да свою, кое-что тебе ещё Евдокия даст... А после уходите обе. Бери девочку, уходите из монастыря, и больше сюда не являйтесь.

- Матушка, да как же... как же мы будем? – Глафира побелела лицом, - Чем я её кормить-то стану, где нам голову преклонить, а скоро и вовсе зима придёт... Матушка...

- Тебе сказали, иди собирайся! – резко сказала Евдокия и дёрнула Глафиру за рукав, - Или прямо так вытолкаю взащей! Пошла, быстро!

Глафира только глянула на неё, у Евдокии и руки опустились, отступилась от такого взгляда, страшно стало.

«Мало ли, чего у этой блаженной на уме, - испуганно подумала Евдокия, чуть даже спрятавшись за спину игуменьи, - Ещё кинется!»

Глафира не стала больше просить, только поглядела ещё раз на игуменью, на её поджатые тонкие губы и строго сдвинутые брови, что-то жалкое испуганное и стыдливое пряталось в глазах Феофании.

Когда Глафира вернулась в амбар, Берта уже не спала, она сидела на лежанке и собирала узелок, взяв Глафириин платок. Куклу свою положила, лоскутки какие были, нитки и ленточку, которую ей Глафира в праздник в косу плела.

Опешила женщина, как же... неужто девочка слышала всё, ведь они с игуменьей далеко от амбара стояли! Да что уж, как бы ни было, а и ей собрать свой нехитрый скарб пришла пора.

- Ох, Берта, как же мы с тобой жить станем, - только и прошептала Глафира, складывая в узел свои пожитки, которых и было всего-ничего.

- А как другие-прочие живут, так и мы станем, - с улыбкой сказала Берта, - Ничего, тётушка, ты не тужи, всё наладится!

- Да куда же мы с тобой подадимся, - Глафира села на лежанку, завязав узел, - Может ты пойдёшь, упроси матушку игуменью, пусть дозволит хоть бы тебе остаться! Пусть призрит долю сиротскую, хоть бы я сама уйду, а ты останешься! Ты маленькая, куда нам с тобой идти? Что есть станем?

- Не пойду я к матушке, она меня видеть не желает, а потому и остаться не дозволит. Сама матушка к нам объявится, когда время придёт. А теперь всё равно нас прогонят, тётушка, так лучше сами уйдем. А куда податься... помнишь, ты сама мне сказывала, изба ваша у реки стоит? Вот туда и пойдём, всё крыша над головой!

- Так уж покосилась вся изба-то, крыша прохудилась, - дрогнул у Глафиры голос, - Я давеча, когда на базар ходила, мимо шла... двор весь зарос, плетня не видать.

- Ничего, тётушка, ты не тужи, был бы угол для нас, проживём! — девочка так поглядела на Глафиру, словно не шесть годков ей миновало, а шестнадцать.

Берта встала и отворила дверь, солнце ворвалось в полутёмный амбар, заскользило лучами по земляному полу.

Игуменья Феофания, которая так и стояла чуть поодаль вместе с Евдокией, ажно подскочила, когда девчонку в двери амбара увидела. Тут же что-то буркнула Евдокии и заспешила прочь, чтобы поскорее скрыться.

Вскоре закрылись ворота монастыря, и остались за ними женщина с двумя узлами в руках и плетёным коробом за спиной, и девочка лет шести, с корзинкой да малым узелком. Перед ними лежала извилистая и порядком заросшая дорога, немногие теперь в монастырь ездили... ещё меньше было тех, кто отсюда уходил.

Глава 7.

- Ну, идём, коли так Господь управил, так тому и быть! - сказала Глафира и с улыбкой поглядела на Берту, хоть душа у неё дрожала от страха перед тем, что их ожидает, но пугать девочку не хотела, мала она ещё.

И пошли они по дороге, после свернули на тропку, ведущую к деревне. Там, у околицы, над самой рекой стояла старая Глафирина изба, где она с мужем раньше жила, и своими детками. Почерневшие от времени и непогоды брёвна стояли крепко, избу Глафириин муж рубил на совесть, а вот крылечко покосилось, провалились ступени, тут и там на крыше были видны дыры, окна закрыты ставнями, а плетень и вовсе пропал. Сколько времени прошло, Глафира и не помнила, когда она ушла отсюда в монастырь... или увели? То время она и припомнить не могла, словно в тумане всё было.

Теперь глядела Глафира на избу свою, издали та казалась и вовсе покинутой, чуть не до половины травой да бурьяном заросла.

- Ох, постой, Берта, - сказала Глафира, положив узлы на камень у дороги, - Немного передохнём, короб у меня тяжёл. Да это и хорошо, хоть на это Евдокия не поскупилась, положила нам, чем жить сколько-то. Дай ей за это Бог всякого блага!

Глафира села на камень, и огляделась... луг простирался до самой реки, синие воды который теперь блестели на утреннем солнце. Она сейчас словно проснулась от сна... как же давно она не глядела на мир вокруг себя, погружённая в горькую тьму. А вот, рощица липовая как разрослась, совсем маленькая была, когда Глафира взамуж за Николая своего шла... Ничего, может как-то и сладится их с Бертой новая жизнь.

На дороге, которая бежала рядом с тропинкой, появилась телега, запряжённая рыженькой лошадённой, невысокой и ладной. Правил молодой плечистый парень с соломенным кудрявым чубом, торчавшим из картуза. Он натянул поводья, лошадка остановилась в аккурат подле камня, на котором сидела Глафира.

- Здравствуй, тётушка, далече ли идёте? – справился парень, соскакивая с телеги и бросив поводья на спину лошадке, - Притомилась, родимая?

- Здравствуй, добрый человек, - Глафира поднялась на ноги, - Недалече идём, вон туда, к той избе.

- Ну, давай пособию, мне в аккурат по пути!

Парень взял узлы и короб, поставил их на телегу, потом подхватил Берту, подбросил её вверх, рассмеялся и усадил рядом с узлами. Потом помог Глафире усесться на телегу, а сам пошёл рядом, держа поводья в крепких руках.

- Как зовут тебя, благодетель? – спросила Глафира улыбчивого парня.

- Матвеем зовут, тётушка. А тебя как величать? И дочку твою?

- Меня Глафирой зови, а дочка... Бертой её зовут.

- Какое имя диковинное у девочки.

Матвей вроде и подивился, но как многие прочие, которые слышали это имя, не пугался, про «бесовщину» не шептал, истово крестясь.

Доехали быстро, недолгим путь-то был, обогнули заливной лужок, и вот она, Глафирина изба, на пригорке. Лошадка остановилась, а Матвей почесал в затылке:

- Тётушка, да как же вы здесь жить-то станете? Изба почитай годов десять простояла пустой, а то и больше, как я разумею!

- Ничего, Матвеюшка, глаза бояться, да руки-то делают. Благодарствуй за помощь, - сказала Глафира, снимая с телеги узлы и короб.

Парень постоял немного, глядя, как Глафира пробирается через бурьян к покосившемуся крыльцу. Маленькая девчонка в зелёном сарафанчике помогала ей, раздвигая траву ручонками, вскоре её и не видно стало в высокой траве.

Матвей взял вожжи и качая головой пошёл рядом с телегой, лошадка пошла привычной дорогой, направляясь в деревню.

Глафира остановилась на пороге, пробравшись через провалившееся крыльцо. Дверь, крепкая, хорошая, теперь висела кое как, видать пытались кто-то унести, да не вышло. Печка цела, только облупилась кое-где, стол да лавки, никто не позарился, остались стоять.

- Ты посиди пока вот тут, на досочке, а я всё приберу, - сказала Глафира Берте, указывая на скамейку под окном, - На крыльцо не ступай, оно провалиться может, поранишься. А я покуда приберу тут, ничего, до вечера управимся!

Берта кивнула, но на скамейку не села, когда Глафира скрылась в доме, девочка подтянула узлы с их тощим скарбом под окно, тут же и короб приладила, а сама стала рвать траву, венник ладить.

Глафира сняла ставни с окон, потом пошла в клеть, там нашла старую метлу и принялась убирать паутину в углах да на окнах. Ничего, быстро дело делалось, словно ей помогал кто, вот оно как- родные стены помогают.

Обернулась Глафира, а Берта веником пол метёт, напевает что-то, солнце золотил её волосы, пробиваясь лучами через пыльные окна. Растворила Глафира окна, дом словно с нею вздохнул свежести.

- Тётушка, я сама тут приберу, я могу, - словно угадав Глафирины мысли, сказала Берта.

Женщина уже и удивляться такому перестала, не только имя у этой малышки диковинное... Глафира нашла в клети заржавевший серп, чуть поправила о камень и пошла хоть немного обиходить двор, где колодец был. Его тоже Николай сам копал, хорошая вода раньше была, путники хвалили, когда останавливались отдохнуть и водицы испить.

«Теперь поди заилился Николашин колодец, - думала Глафира, - Чистить придётся... Ох, грешна моя душа, Коляша, не глядела я за домом нашим, всё бросила, запустила... прости меня, прости...»

Срезала траву серпом Глафира, а сама примечала, как наливается силой рука, словно бы за работой не уставала, а напротив, силы прибавляла. Вот показался колодезный сруб на семь венцов, ничего, не порушился, словно бы даже и не покидали люди этого подворья. Деревянная крышка закрывала колодец, Глафира отодвинула её и удивилась – чистая вода стояла, хрустальная, словно кто-то колодец доглядывал да обихаживал. Жаль, деревянное ведро, что в клети было, рассохлось, но ничего, Глафира его в колоде замочит, которая у колодца лежит, коней поить, ведро и размокнет. А пока и таким воды носить можно, чтоб хоть в доме всё помыть.

Когда в доме уже было чисто, Берта помогала, да и у Глафиры в руках всё спорилось, на дворе послышался стук телеги на ямках и фыркание лошади. Выглянув наружу, она увидела Матвееву телегу, и его самого, привязывающего свою лошадку к столбику, оставшемуся от плетня. В телеге сколько-то досок было, инструмент разный, ведро новое, три горшка, пара крынок и разный домашний скарб.

- Тётушка, дозволю помочь вам! – блеснув белозубой улыбкой, Матвей подмигнул выглядывающей на него из травы Берте, - Как вы одна тут, с махонькой такой девчонкой справитесь? А мне и недолго!

- Благодарствуй, Матвеюшка! – Глафира поклонилась парню в пояс, - Божьего тебе благословения, и родителям твоим земной поклон, что такого молодца вырастили!

Матвей снова подмигнул Берте, и та рассмеялась своим серебристым заливистым смехом, от которого всегда согревалось Глафирино сердце. Парень достал с телеги косу и принялся ею махать так резво, что она серебряной молнией мелькала, срезая заросли вокруг дома.

Скоро ни травинки не осталось во дворе, и новые столбики ровным рядом стояли, ожидая, когда наладят по ним новый плетень.

- Тётушка, а что же, отпустишь Берту со мной до реки прокатиться? – спросил Матвей, - Нарубим ивы на плетень, немного пока что, чтобы огородить немного, а по осени сладим плетень как положено, когда ива в силу войдёт.

- Тётушка, отпусти, - запросилась Берта, - На лошадке покататься и речку поглядеть!

- Ну поди, - кивнула Глафира, - Только в реке не ходи и Матвею не мешай, у него и своих дел много.

Берта обещала не мешаться и к воде не ходить. Матвей усадил девочку верхом на послушную свою лошадку, а сам пошёл рядом, напевая песню.

- А как твою лошадку звать? – Берта погладила шелковистую соломенную гриву, - Какая она у тебя хорошая, добрая.

- Златкой её зовут. И добрая, и умная, Матвей ласково похлопал лошадку по боку, - Я её жеребёнком выходил, слабенькая родилась, хозяин хотел умертвить, да я упросил отдать мне, две недели после у хозяина отработал. Видишь, какая справная получилась! Не зря спину гнул, душу живую спас и себе помощницу! А вот ты скажи мне, кто же такое имя диковинное тебе

дал? Берта... красивое очень, но в наших-то краях я такого не слыхал, может в иноземных где-то...

- Тётушка говорила, что меня нашли в липовой роще, там, за мельницей. Со мной бумага была, там только это и написано было – Берта. После меня матушка игуменья Анной Липень нарекла, только Анной меня никто и не кличет, кроме матушки игуменьи и Евдокии.

- Если такое имя родная матушка дала, так тому и быть, чего ж, всё от Бога на этом свете, - сказал Матвей, - Что же плохого в том. Ну, вот и прибыли, гляди, какая ивушка раскинулась!

Пока Матвей пробовал топорик, поручив Берте приглядеть за Златкой, день уже к вечеру наладился. Застучал топорик, Златка дёргала сочную траву возле кустарника, а Берта сидела на телеге, свесив вниз ножонки, и глядела на луг, за которым едва виднелась крыша их с тётушкой нового дома. Из трубы уже вился дымок, тётушка растопила печь, ожил покинутый дом, будто даже задышал... Сама того не заметила Берта, как склонилась голова на свежее сено, заснула девочка, и приснилось ей страшное...

Глава 8.

Пропало всё, ничего уже не слышала Берта, ни стука Матвеева топора, ни того, как беспокойно переступает копытами Златка, словно учуяв то, что явилось теперь Берте во сне. А будто и не сон это был, а страшная, пока ещё не случившаяся на самом деле явь.

Черна стала река, которую люди Услой называли, хотя в первые времена по-иному она называлась, да кто нынче помнит. Вода в ней потемнела, тягучая стала и злая, и снится Берте, будто вдоль берега топка тянется, и вся она кровью улита, вьётся, вьётся, далеко уходит, конца не видать, спряталась тропа в почерневшем и покорёженном лесу.

Вздрогнула Берта от того, что крик услышала, одинокий посреди этой страшной тишины, обернулась снова к реке, а там... барахтается в тёмной воде перепуганная Златка, бьёт копытами, взбивает чёрную пену на злой воде, а выбраться не может, всё сильнее тянет её вода. Хочет Берта кинуться, потянуть за поводья Златку, да только подойти не может, страшное чудовище глазеез на неё из чёрной воды, тянет когтистые руки, вот-вот схватит и утянет под воду.

Закричала Берта, потому что увидела там, в тёмной нечистой воде, окрашенной кровью, остекленевший глаза бездыханного Матвея... И хохот, страшный и хриплый раздавался позади Берты, леденя её маленькое сердечко.

- Что ты, что ты, милая? – испуганный криком девочки Матвей стоял над нею, взяв ледяные руки Берты в свои ладони, - Приснилось что, маленькая? Не страшись, ничего, я же здесь, никому не позволю тебя, малютку, обидеть!

Берта часто дышала, горло горело от прогорклого запаха тины, по коже прошёл холод... тот самый, который бывает только на самом дне глубокого омута, тяжёлый, смертельный и безысходный.

- Ладно, давай-ка в обратный путь собираться, - сказал Матвей, увидев, что девочка чуть успокоилась.

Может беспокойный сон и крик девчушки так на него подействовал, а может порыв холодного ветра, резко пронёсшийся вдоль берега реки, и шум мельничного колеса... там, дальше по течению стоит мельница старого Прохора Купавина. Так вроде он уж лет с десятков не молот ничего... не едут теперь к нему обозы с зерном, потому и колесо мельничное давно рассыхалось, поднятое над водой в запруде.

И что вдруг пристало нынче старому мельнику запустить Жернова? Чего молот, какое такое зерно? Такими мыслями задавался теперь Матвей, поправляя Златкины поводья. Ивы на плетень он нарезал много, хватит, только вот устал чего-то... Раньше такого с ним не случалось, в работе он был крепок, на дела скор. А нынче вон как – вроде ничего тяжёлого не делал, а в ногах слабость и руки дрожат.

Сел Матвей на телегу, рядом с Бертой, которая была бледна и сидела молча. Златка затопилась словно и ей было не по себе, заперебирала копытами, взметая пыль и унося своих седоков подальше от реки. И чем дальше убегала дорожка от берега, тем Матвею становилось легче дышать. Скоро он вовсе оправился от нахлынувшей было слабости, заулыбался и сказал девочке:

- Ну вот, ивы на плетень мы набрали, теперь сладим новёшенький! А завтра я к вам снова приеду, привезу дрова и курятник поновлю. Цыплят у бабушки моей возьмём, у неё давеча наседка вывела, махонькие такие, жёлтенькие. Станешь сама за ними глядеть, вырастут быстро. Обустрою вас, не бойсь, Берта, заживёте с тётушкой не хуже иных прочих. После Спаса вот только уеду, матушка моя работу для меня взяла – надо старому мельнику, Купавину-то, помочь на запруде задвижку да лаву подновить, видать воду плохо запирают. Вот к нему и поеду на неделю, работу справлю, и вернусь домой. Мельник плату щедрую обещался дать.

А сегодня вон, сам видать колесо спытать решил... Ты, Берта, слыхала, как вода шумела на мельничном колесе, когда мы иву брали?

Берта только кивнула головой в ответ, она хмурилась, слушая Матвея и думая о чём-то своём. Парень подумал, что девочка устала за день, вон сколько забот сегодня выдалось, а она ведь махонькая ещё.

- Ничего, потерпи, - ласково сказал Матвей Берте, - Скоро дома будем, тётушка накормит да спать уложит.

Берта не чуяла усталости, она думала про то, что сказал ей Матвей, и про свой сон... Он поедет к мельнику, там старая запруда... давно стоит вода, почернела вся, стала тяжёлой, злой. Мосток на запруде плох вовсе, брёвна подгнили, ступи – и не удержишься, а уж если телега с лошастью да седоком по ней поедет – немудрено в воде оказаться, а там...

И снова явилось Берте, в этот раз не во сне! Тот, кто живёт в запруде, и с кем старый мельник дружбу водит, недоброе замышляет! Потому мельник и позвал Матвея, потому что обещал его и Златку, задобрить настоящего хозяина запруды, такого древнего, что поди и сам он уж своего имени не помнит.

А между тем Златка довезла телегу до Глафиринового дома. Сама хозяйка стояла на крыльце, из-под руки глядя на дорогу и ожидая их возвращения.

- Ну вот и мы, тётушка! – Матвей соскочил с телеги сам, потом ссадил Берту, - Ивы набрали, завтра станем плетень ладить. Дай напиться, тётушка, в горле пересохло!

Пока Матвей скидывал с телеги ивовые прутья и складывал их во дворе, Глафира принесла воды, набрав студёной из колодца. Матвей выпил, и словно даже силы прибавилось, ушла усталость, и та беспокойная «иголлка», что засела было в сердце там, на берегу реки, теперь будто выскочила и пропала.

- Ох и хороша водица в колодце вашем, студёна да сладка! – похвалил Матвей, подводя к колоде Златку, чтоб тоже напилась вволю.

Глафира позвала гостя в дом, там уже было всё прибрано, даже печка подмазана свежей глиной, осталось только побелить после. На выскобленном дёжелта столе появился каравай на чистом рушнике и горшок с кашей.

Пообедав и поблагодарив хозяйку за заботу, Матвей попрощался, и Златка побежала по дороге в деревню, взметая за собою дорожную пыль.

Глава 9.

Глафира устало присела на скамью возле окошка. Ставни были растворены, избу наполнил запах лугового разнотравья и речной воды. Ничего, вон как хорошо у них всё складывается, думала Глафира, оглядывая родной дом, снова оживший после долгого сна. Глядя на сработанные мужем лавки и полки у печи, Глафира думала... и что ей пришло на ум уходить отсюда, зачем столько лет словно во сне была, работая и обитая в монастыре? Ведь и жизнью это время не назвать, как будто ужасный сон это был.

Хорошо, что игуменья прогнала их с Бертой, другая у них судьба! Ладно сама Глафира, а что ждало Берту, какая жизнь? Чуть бы подросла и отдали бы её в работницы, в какой-нибудь богатый дом, и всё... Глафира знала, как «выпивают» жизнь из таких вот девчонок, как продоху не дают, давая столько работы, что к вечеру и ног под собой не чуешь. А после, спустя годы, такая жизнь становится непосильной... и тогда постаревшую работницу прогонят из дома, чтобы не видеть уработанного лица, когда-то миловидного. Остаётся только доживать свои короткие годы, прибирая задворки и ожидая кончины, как избавления.

«Ничего, проживём как-нибудь, - глядя на колышущийся за окном до самой реки луг, думала Глафира, - Схожу в усадьбу к Дубравину, там управляющим Степан Ермаков

Глава 11.

Проснулась Глафира рано, солнце ещё даже не вызолотило верхушки липовой роши на пригорке. Усталости и тоски, ставшей её постоянной спутницей, когда она жила в монастыре, она теперь не чувствовала. Хотелось умыться студёной колодезной водой и поесть, даже в животе «запело» от голода.

Берта спала на лежанке, её каштановые волосы разметались по набитой сеном подушке, девочка улыбалась во сне, и глядя на неё Глафира почувствовала, как сердце её согревается, живёт. Тихонько вышла во двор, заря уже занялась над лесом, в монастыре зазвонил колокол к заутрене.

Довольно оглядев двор, Глафира наметила, что нужно сделать за день, и снова помянула Матвея добрым словом. Нужно будет пояс ему выткать, в этом Глафира раньше была знатная мастерица, только давно за рукоделье не садилась. Ну ничего, руки вспомнят!

Глафира набирала воду из колодца, когда увидела одинокую фигуру, идущую по дороге от монастыря. Удивилась и почему-то нахмурилась, что же нужно от них с Бертой обитателям монастыря? Заволновалась, может быть, матушка игуменья решила вернуть девочку обратно? Что же тогда делать?!

Глафира закрыла починенную Матвеем дверь в дом, сама сошла с крыльца и стала укладывать в плетень приготовленные накануне Матвеем прутья, поглядывая на дорогу. Вскоре из-за кустов показалась Евдокия, помощница игуменьи. Она размашисто и торопливо шагала по дороге, в руке у неё была корзина, явно тяжёлая, потому что Евдокия часто перебирала её из руки в руку и наклонялась на тот бок, где была ноша.

- Здравствуй, Глафира, - поставив у ног корзину, Евдокия отёрла кончиком платка вспотевшее лицо, - Ну, как вы обустроились тут? Поди тяжко пришлось? Я гляжу, столько переделала ты, и всего за день! Бурьян стоял до самых окошек, а теперь вон как, обиходила всё.

- Здравствуй, Евдокия. С Божьей помощью, да помощника он нам хорошего послал, вот и устроились. А ты куда с этакой ношей?

- К вам. Матушка-игуменья послала, велела поглядеть, как вы здесь, спросить, может помочь чем. И вот, велела отнести гостинец вам. А Бер... Анна где?

- Спит ещё, - Глафира никак не могла успокоиться, страх, что Евдокия пришла забрать девочку леденит душу, - Благодарствуй, Евдокия, устроились мы хорошо, и за гостинцы матушку поблагодари. Сядь вон хоть на чурбак пока, отдохни. Сейчас водицы тебе дам испить, в колодце вода у нас тут чистая и хорошая оказалась, а я думала...

Глафира замолчала, не стала продолжать, отвела глаза и пошла за ковшом, напоить путницу. Евдокия села на чурбак и потёрла ногу, всё чаще её беспокоила боль в колене, хоть и старалась она таковой слабости не показывать. Сидела и думала, что же такое случилось с игуменьей, что она так подобрела к Глафире и к девочке, которую всегда считала обузой.

«Надо же, как Глафира двор обиходила, - думала Евдокия, слушая, как скрипит колодезный ворот, - А всё ходила, еле ноги волокла, когда в монастыре работу какую я ей давала! Здесь-то и силы появились, вон как! А игуменья... уж, грешным делом, не выжила ли она из ума? Странное велела Глафире передать, да ещё и сердилась на меня, когда я не так повторила, как она сказала, велела лучше запомнить! Старая ведь уже, может разум помутился...»

Напившись из поданного Глафирой ковша, Евдокия языком прищипнула, вода и вправду была свежа и хороша, усталость ушла, и даже боль в колене стала утихать.

- Глаша... тут матушка на словах велела тебе передать... Ох, не знаю, как и сказать. Я уж было подумала, что матушка наша умом стала слаба, но повеление её исполню – скажу, как есть. Она велела тебе передать, чтобы ты Берту берегла, и ежели какая нужда будет, чтобы ты

к ней приходила просить, она всё даст. И ещё... просила, чтобы девочка дала ей свечку. Не знаю, про что это значит, но может быть знаешь...

- Нет, не знаю, - удивилась Глафира, она уже успокоилась, поняв, что Берту у неё не заберут.

Но вот странно, что игуменья девочку Бертой назвала, не Анной, такого никогда не бывало... видать дело серьёзное.

- Ты спроси у неё самой, когда проснётся, - Евдокия кивнула на отворенные окна дома, - А я завтра снова приду. Мне завтра всё одно в усадьбу идти по делам, тамошний управляющий должен из города вернуться, везёт послание от архиерея для матушки нашей. Ну, пойду... сама знаешь, сколько у меня дел.

- Приходи, Евдокия, я спрошу. Только не знаю, про что ты толкуешь, - развела руками Глафира.

Евдокия махнула рукой и пошла по дороге в сторону деревни, за которой была усадьба Прокофия Дубравина.

Глафира взяла подаренную игуменьей корзину и унесла в дом. Подняв отрез белого полотна, очень хорошего, укрывавшего содержимое корзины, она увидела внутри большую головку сыра, окорок, свежие яйца и прочую снедь. Среди этого лежал малый узелок, взяв который Глафира поняла – в нём деньги. Надо же... Глафира сколько в монастыре жила, не раз слыхала, как прижимиста матушка Феофания, а тут...

- Здравствуй, тётушка, - проснувшаяся Берта показалась в дверях светёлки.

Босая, с длинными волосами, рассыпавшимися по рубашке тёмными волнами, и светлой своей улыбкой она смотрела на Глафиру.

- Здравствуй, милая! – Глафира улыбнулась, - Поди умывайся, завтракать станем. Тут игуменья послала...

- Постой тётушка, - Берта подошла к сидевшей на скамье Глафире и посмотрела ей прямо в глаза, - Ты поди знаешь, где наш Матвей живёт? И матушку его знаешь?

- А как же, я всю жизнь ведь здесь живу, - удивилась Глафира

Глава 12.

- Что тебе сказать, Катерина, - Глафира сидела на скамье во дворе Усольцевых, напротив неё сидела сама хозяйка, Катерина, и с некоторым сомнением глядела на неожиданную гостью, - Не знаю, как тебе сказать... Только прошу, не носи по селу, что тебе сейчас поведаю. Может я и безумная стала, после всего, что довелось пережить. Слыхала я, что Матвей твой в путь собирается...

- Откуда ты знаешь? Он сам что ли сказал? – удивилась Катерина, - Никому не говорили мы, дело такое, хотели в тайне держать.

- Нет, сам Матвей мне ничего не говорил. Да и никто не говорил... Так уж вышло, я и сама не знаю, верить ли в это... Девочка у меня... Вот, она тебе свечечку передала, просила тебя вечером зажечь. Когда вечерню отчитаешь, или когда читать будешь, как пожелаешь. На добрый путь ему сделала Берта свечку эту. Возьми... вреда не будет, девчушка с душой делала.

Катерина взяла из рук Глафиры лоскуток и развернула. Простая свечка, немного кривая, видно, что детской ручонкой скатана, а внутри, вместо фитиля, сухая трава уложена. Нахмурилась Катерина, что ещё за ведовство какое! Нешто её во грех какой-то ввести хотят?! Ещё чего не хватало... Но и обидеть Глафиру она не хотела, помнила её доброту прежнюю, да и что говорить, жалела её.

- Ладно, Глаша, ты не серчай, дел у меня теперь много, - Катерина встала, убрав подарок в карман передника, - Благодарствуй за заботу, и за подарок. Девочке своей передай от меня, вот, накость гостинчик. Если будет какая надобность, ты приходи.

Глафира приняла от Катерины гостинец – пару румяных яблок, поклонилась и пошла со двора Усольцевых. Поняла, что не поверила ей Катерина... Ну, что тут поделаешь, просьба-то у Глафиры и вправду странная. Покачала головой Глафира, да и отправилась восвояси, будь как будет, а им свои дела управлять надо. Вот и теперь свернула Глафира на дорогу, ведущую через всю деревню к усадьбе Прокофия Дубравина, вот как раз и спросит, не нужна ли там работница на стирку.

Катерина подошла к плетню и долго смотрела вслед Глафире, не зная, что и думать... Откуда та прознала про то, что Матвей в путь отправляться станет? Дед у них недавно помер, наследство оставил хорошее, только сама Катерина про это по деревне не болтала, и сыну запретила. Хоть и недалеко ехать, а через три деревни да лес. Вот про лес и болтали, завелись там то ли люди лихие, то ли ещё какое зло, а прохожему да проезжему покоя не стало. Потому и решили – в объезд Матвей отправится, через старую мельничную запруду, там дорога ещё не наовсе заросла, а лес только издали увидишь, через заливной луг ехать, а там уже и торная дорога, тракт.

И так и эдак передумала Катерина, что тут сказать? Глафира после смерти семьи головой повредилась, это все знают, хоть по ней и не скажешь – женщина, как женщина. Может приблазнилась что, или ещё какое помутнение на неё нашло, да и девчонка та... По какой такой причине их из монастыря выпроводили? Вот теперь и думай...

Вздыхнула Катерина и пошла дела свои справлять. Решила, вот вернётся вечером Матвей, запретит она сыну помогать Глафире двор обихаживать! И чего такое придумал – надо да надо, говорит, помочь Глафире с девочкой, потому как больше некому. Катерина сперва не противилась, доброе дело – всегда на благо, да вот теперь засомневалась... Как бы порчу не навела эта Глафира! Кто знает, может игуменья за то её и прогнала, недаром за столько лет Глафира так постриг и не приняла.

Пожурила сама себя Катерина... какая бы Глафира не была, блаженная или нет, а она с добром сюда пришла, с тем, во что верила всей душой. И худого о ней думать не за что, она всегда сердцем добрая была, какая тут порча!

День пролетел быстро за делами, Катерина и во дворе все дела переделала, и дома управлялась. Вечерело, за воротами слышался голос Матвея, он ласково разговаривал со Златкой, мерно поскрипывала телега.

- Матушка, ты никак притомилась, сердешная? – спросил он у сидевшей под окном матери, - Скажи, какая помощь нужна?

- Ничего, Матвеюшка, не шибко и устала, больше ходила по двору-то, ты утром всё сам сделал. Иди, омойся, да вечерять станем. Ну что, управились у Глафиры-то?

- Управились, матушка, - Матвей сверкнул белыми зубами, - Двор получился – загляденье. И в доме всё поправили, Глафира печку обмазала да побелила, всё они с Бертой прибрали. Можно жить теперь! Доволен я, что всё сладили, а то не по-человечьи как-то... Что же, за что их игуменья прогнала? Как Глафире одной с девочкой жить!

Катерина не стала ничего говорить, и даже про то, с какой странной просьбой была у них сегодня сама Глафира, этого тоже не рассказала. Наладила ужин, да Матвей не шибко голодный был, такого помощника Глафира без угощения не отпустила. Поел маленько, да и отправился спать, завтра и без того забот много, надо в путь собираться, да и дома дела имеются.

Уже стемнело, а Катерина всё никак не могла найти себе места, всё ходила по дому, то у печки горшки переставила, то в сенях прибрала, а сама всё думала...

Мягко мерцала у образов малая лампадка, прыгал беспокойно огонёк, никак не мог гореться, то и дело по стене пробегали какие-то тени, а может это Катерине только казалось. Посмотрела Катерина на спящего сына... ведь красавец, не зря девушки деревенские то и дело задерживают шаг, когда мимо их двора идут по своей надобности. Тоской налилось материнское сердце, чувствуя тревогу, и никак не могла Катерина отогнать это от себя. Стала молиться, а слова и не идут, словно мешает что...

Подумала Катерина, да и решила – зажжёт она ту свечку, что Глаша принесла! Хуже от этого точно не будет, а что девочка свечушку сделала – так это и хорошо! Детская душа чистая, на корысть и злобу не способная!

Развернула Катерина лоскуток, достала свечушку и поставила в каганец, от лампадки огонёк взяла. Заиграло на свечушке пламя, да весело так, хорошо, и будто даже в лампадке света прибавилось. Стала Катерина молитву шептать, а сама на свечушку глядит, тает воск, а от травы, которую Берта в воск закатала, по всему столу искры рассыпаются. Белые, синие, зелёные, так и прыгают по столу.

А тени по стенам будто гуще побежали, заметила Катерина, словно прячутся от искорок этих, словно им даже больно. Катерина громче стала молитву читать, доброго пути сыну просила, оберечь его в дороге, и тут у неё сердце холодом зашло!

От широкой лавки, где Матвей спал, словно чёрные змеи протянулись, да в сени, да в дверь! А под окнами будто ходит кто-то, и стонет, протяжно, зло. Глянула Глафира в окно и сердце зашло в страхе, застыла душа! Тянулись к их избе чёрные змеи, широкие, все шипами утыканы, то ли змеи это, то ли чёрные корни какие-то, да только извиваются, того и гляди обвивут всю и избу, и тогда всё... нет спасения! Пропадут они с Матвеем во мгле, в непроглядной, чёрной Тьме, откуда ни единой душе нет обратного пути.

Серебряный звон прошёл по избе, заискрилась свечушка Бертина сильнее, и чёрные эти змеи оборвались, пропали за порогом. Спокойно стало пламя лампадки, свечушка спокойно догорала в каганце. Поняла Катерина – если и было какое зло, то теперь оно Матвею навредить не сможет. Заново начала свои молитвы Катерина, в этот раз и за сына молилась, и за Глафиру, и за доченьку её приёмную, Берту.

Не знала Катерина, что в ночи этой, одной из самых тёмных, не одна она не спит.

Глава 13.

В тот вечер усталая Глафира рано заснула. Только прилегла, ещё что-то думала в голове, как провалилась в сон. До темна Глафира сидела за рукодельем, не без труда починив своё старенькое кросно*. Зато теперь на столе красовался новенький, с красной нитью и узорами, кушак. Это был подарок для Матвея, Глафира желала отблагодарить парня за помощь, без него им с Бертой пришлось бы туго.

Перебирая нити для кушака, Глафира всё думала о той свечушке, которую она по просьбе Берты отнесла Матвеевой матушке, Катерине. Хорошо ли она сделала? Может быть, не нужно было соглашаться на просьбу девочки, мало ли что ребёнку на ум пришло. А если теперь по деревне слухи про них нехорошие пойдут?

Глафира помнила, хоть и совсем маленькая тогда была, что случилось со старой бабкой Ельчихой, которая на высылке жила, в аккурат за липовой рощей по-за деревней. Что явилось тому причиной, Глафира не знала, по малолетству ей такого не говорили, только не любили в деревне старуху, Ельчиха эта была собой страшна, людей она сторонилась и жила на высылке в старой избе, по самые окна уже ушедшей в землю. И откуда такой слух по деревне прокатился, никто не знал, а как-то мор напал на людей, да всё больше ребятишек косила какая-то неведомая хворь. Много тогда померло детишек, воем выла деревня, а тут кто-то принёс слух, якобы видели Ельчиху на старом погосте за чёрной ворожкой. После много болтали всякого...

И такое говорили, будто пришли на выселок, а вокруг Ельчихино дома чуть не три сотни дохлых ворон лежит. И прочие всякие страхи, да только что из того правда – поди знай. Говорили, что грозили Ельчихе люди, велели убираться подальше, пока цела. Да куда старая пойдёт... Вот и нашли её спустя чуть времени, мёртвую, на лесной тропке. Голову ей кто-то проломил, да и бросил старуху. Может кто-то из деревенских, обезумев от горя после потери детей, со старухой расправился, а может какая иная причина была. Только после в деревне говорили все – поделом ведьме, и даже схоронили Ельчиху за погостом, подальше от прочих могил. А избу старую на высылке сожгли дотла.

Вот теперь боялась Глафира таких слухов, народ ведь разбираться не станет, скор на расправу деревенский люд. Заканчивая ткать кушак, решила Глафира, что больше не станет ничего такого делать, запретит Берте свечки эти лепить, и сама больше никому не понесёт. Жить им с Бертой здесь, в Липовке, и Глафира в усадьбу Дубравина сходила так хорошо – управляющий сказал, чтобы приходила через неделю, работа ей найдётся, значит не пропадут.

Хотя... вот что странно... Ведь и Евдокия, которая от матушки-игуменьи приходила, тоже про какую-то свечушку толковала. И когда Глафира Берте о просьбе игуменьи Феофании поведала, девочка только всего и кивнула, нахмурившись. Ничего не ответила, обычным девчоночьим делом занялась, стала из лоскутка кукле платье шить. Решила Глафира ничего больше не спрашивать пока, после уж разберутся, когда обустроятся тут как следует.

С такими мыслями заснула Глафира, сон принял её, увёл в свои владения, дал отдохновение за дневные труды. Тихо было в доме, недавно заново обретшем хозяев, только пенье сверчка нарушало ночную тишину. В окно робко заглянул в оконце, подмигивал и звал, мол, пора.

Берта тихонечко поднялась со своей лежанки и оделась, из-под подушки достала лоскуток, в который была завернута вторая свечушка, сестрица той, которая догорела в этот же вечер в каганце, в доме Усольцевых.

Девочка прибрала волосы, сунула свечушку в карман передника и неслышно ступая вышла на крыльцо. Небо в ту ночь было странным, сероватая дымка подёрнула край звёздного ковра, но пока ещё месяц по-хозяйски разгуливал по небосводу.

Где-то за деревней завывла собака, тоскливый вой пронёсся далеко, к реке, и затих в бору на другом берегу. Было прохладно, и, если бы какой-то прохожий вдруг оказался бы в это неподходящее для прогулок время возле двора, он немало бы удивился, что же вдруг пристало погулять этой маленькой девочке в такой час.

Но прохожих, конечно, не было, и некому было удивляться тому, как девчонка сбежала с крылечка и отправилась напрямик в лес, через луг, за липовую рощу. Туда, где вдалеке шумела река и затихала в запруде возле старой, покосившейся мельницы.

Ни единого огонька не было видно у мельничной избы, темны были маленькие окна, перекосившееся от времени крыльцо едва виднелось в темноте.

Берта шла так спокойно и смело, даже под ноги не глядела, словно каждый вершок этой заросшей и давно не хоженной тропинки был ей хорошо знаком. Вода в запруде заволновалась, словно каждый шаг девочки отдавался ей болью, у старого мельничного колеса что-то заплескалось, забило о старое дерево. Что-то вскинулось над водою тёмной тенью и бросилось наперез девочке, пытаясь преградить ей путь, но та и бровью не повела. Тёмное ударило обо что-то, окружающее Берту белыми всполохами, гулко загудело, и рассыпалось прахом.

Дверь мельничной избы распахнулась, на крыльцо выскочил мельник с дубиной в руке. Его всклокоченная борода топорщилась, дырявые и грязные штаны, прихваченные бечевой, были так стары, что превратились в лохмотья.

- А ну! Куды идёшь?! – заорал мельник и замахнулся дубиной на девочку, - Пошла отселе, покуда башку не проломил тебе! Пошла! Ну?!

- Отойди, старик, не мешай, - спокойно, без всякого страха ответила Берта, она даже не глянула на мельника, продолжая идти к запруде.

Голос девочки прозвучал так глубоко, словно серебряный колоколец запел, от этого чёрная вода в запруде заволновалась сильнее, зелёные всполохи стали ходить там, в глубине омута, поднимаясь всё выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.